

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ТРУДЫ

ALEXANDER CSOMA DE KÖRÖS.

Портрет из книги Duka T. Life and works of Alexander Csoma de Koros.
London: Trubner, 1885

АЛЕКСАНДР ЧОМА ДЕ КЁРЁШ (1784–1842) И НАЧАЛО НАУЧНОЙ ТИБЕТОЛОГИИ

Алексей Гунский¹

В статье рассматривается жизнь и деятельность Александра Чома де Кёрёша (1784–1842) — венгерского путешественника и ученого, основателя современной научной тибетологии. Написанные им работы стали первыми научными исследованиями тибетского языка и литературы, а его тибетская грамматика и словарь легли в основу первых российских пособий для изучения тибетского языка. Тем не менее его жизнь и деятельность до сих пор не рассматривалась в отечественной историографии, и целью представленной статьи является освещение этой малоизвестной страницы ранних тибетских исследований. Первая ее часть посвящена биографии Чома де Кёрёша. Особое внимание уделяется его путешествию в Азию, первоначальная задача которого состояла в поиске исторической родины венгерского народа. Нами рассматриваются те обстоятельства, которые изменили его исходные планы и привели к изучению тибетского языка и буддийской литературы. Во второй части анализируются основные работы Чома де Кёрёша и их влияние на последующие исследования. В заключении рассматриваются те образы Чома де Кёрёша, которые сложились уже после его смерти: национальный герой Венгрии; ученый-тибетолог; романтик, поглощенный мудростью Востока, и даже бодхисаттва, посвятивший свою жизнь соединению Востока и Запада.

Введение

Александр Чома де Кёреш (1784–1842), венгерский ученый и путешественник, получил признание в научных кругах в качестве основателя современной тибетологии. Составленные им грамматика и словарь тибетского языка, аннотированный каталог тибетского

¹ Сотрудник АНО «Институт Восточной культуры» г. Самары, магистр религиоведения.

буддийского канона и перевод на английский язык буддийского терминологического словаря *Махавьютпатти* образовали ту базу, которая позволила развивать в дальнейшем европейские тибетские исследования.

Помимо научных достижений, исследователей всегда привлекала необычная жизнь Чома де Кёрёша. Он родился в небольшой деревне Кёрёш в Трансильвании в 1784 году, и, завершив обучение, в 1819 году пешком отправился в Азию в поисках исторической родины венгерского народа. Через два года Чома достиг Западного Тибета, где провел семь лет в различных монастырях, собрав богатый материал для своих последующих научных работ.

С мая 1831 по февраль 1842 года Чома жил и работал в Калькутте. В это время его имя стало известно в научном мире благодаря публикации грамматики и словаря тибетского языка и подробного каталога тибетской канонической литературы. Еще одна работа, перевод буддийского терминологического словаря *Махавьютпатти*, не увидела свет при его жизни. В 1842 году Чома отправился в своё последнее путешествие в Лхасу, где в богатых книжных собраниях столицы Тибета надеялся найти материалы по истории венгров. Однако по дороге Чома заболел малярией и умер в Дарджилинге в апреле 1842 года.

Хотя ему и не удалось достичь своей цели и открыть древнюю родину венгерского народа, он вписал яркую страницу в историю тибетологических и буддологических исследований. Известный буддолог Д. Лопес включил Чома де Кёрёша в число «кураторов Будды», то есть тех исследователей, усилиями которых был создан тот образ буддизма, который мы знаем теперь¹. Кроме того, со временем Чома был признан национальным героем Венгрии, благодаря самоотверженной жизни, посвященной служению своему народу.

Работы Чомы почти сразу после своего издания стали известны и в России. В частности, составленные им грамматика и словарь тибетского языка легли в основу русскоязычной грамматики и тибетско-русского словаря, изданного проф. Я. И. Шмидтом

¹ Lopez D. Curators of the Buddha: The Study of Buddhism under Colonialism. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 256–259.

в 1839 и 1843 гг. соответственно¹. Таким образом, первые отечественные студенты, изучавшие тибетский язык, в опосредованной форме пользовались работами Чома де Кёрёша. Тем не менее в отечественной историографии его жизнь и деятельность до настоящего времени не рассматривалась, и в нашей работе мы постараемся осветить эту малоизвестную страницу раннего изучения буддизма².

*Основные вехи биографии Александра Чома де Кёрёша
Детство и годы учебы*

Александр Чома де Кёрёш (Кёрёши Чома Шандор в венгерском варианте) родился в апреле 1784 года в Трансильвании (сейчас этот район относится к Румынии), в деревне Кёрёш. По происхождению он относился к субэтнической группе венгров — секеям или секлерам. Это воинское служилое сословие, многие столетия охранявшее границы Трансильвании от турецких набегов. Традиционно секеи возводят своё происхождение к той части гуннов Атиллы, которые после смерти своего предводителя не были оттеснены на восток и позднее, в IX веке, вернулись в Европу как собственно венгры, но остались и расселились в Трансильвании начиная с V века. Семья Чомы была скромного достатка, хотя и не относилась к числу беднейших.

¹ Шмидт Я. И. Грамматика тибетского языка. СПб.: Акад. наук, 1839; Шмидт Я. И. Тибетско-русский словарь. СПб.: Акад. наук, 1843.

² В отечественных буддологических исследованиях имя и работы Чома де Кёрёша, как правило, только кратко упоминаются (см. напр.: Введение в изучение Ганчжура и Данчжура. Под. ред. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1989. С. 9–10). В англоязычной литературе его деятельность освещена лучше, хотя основной работой в этой области до сих пор остается биография, опубликованная в 1885 году (Duka T. Life and works of Alexander Csoma de Kőrös. London: Trübner, 1885). Ее автор, венгр по национальности, служил в Индии в конце XIX века и имел доступ к архивам Азиатского Общества Бенгалии, с которым Чома длительное время сотрудничал. В 2007 году в Индии вышел двухтомник, содержащий статьи и документы, освещающие отдельные эпизоды жизни и исследований Чомы (Marczell P. J. Alexander Csoma de Kőrös. Vol. 1–2. Kolkata: Asiatic Society, 2007). Богатая коллекция материалов, связанных с деятельностью Чома де Кёрёша, представлена на сайте библиотеки Венгерской Академии наук (URL: <http://csoma.mtak.hu/en/index.htm>).

Чома учился в местной деревенской школе, затем продолжил обучение в протестантском колледже в городе Надь-Эньед, поскольку здесь предоставлялась возможность бесплатного обучения для студентов, не способных платить за учебу (в реальности они отработывали свое обучение, выполняя различные виды работ). В возрасте 22-х лет Чома успешно выдержал выпускные экзамены и продолжил обучение на следующем уровне, включающем три года обучения философии и четыре года теологии. Одновременно он преподавал студентам базового уровня обучения.

В этот же период началось его увлечение теориями, касающимися происхождения венгерского народа и венгерского языка. С подъемом национализма в Европе в XVIII веке начал возрастать интерес к национальным языкам и литературе. В это же время возникает научное языкознание, которое открыло существование языковых семей. Оно представило почти все европейские языки как ветви большого индо-европейского дерева. Однако венгерский язык, входящий в группу финно-угорских языков, в этом отношении стоял особняком. Венгерские ученые искали истоки своего языка и народа на востоке, среди гуннов, аваров или турок. Огромные территории Азии в это время еще оставались малоизвестными для европейцев, и считалось, что там может обитать одна из ветвей венгерского народа. Среди преподавателей колледжа в Надь-Эньед была популярна идея родства венгерского и уйгурского языков, и Чома, основываясь на их мнении, посчитал, что сможет найти древнюю родину венгров где-то в Центральной Азии¹. Чома и его два сокурсника дали обет отправиться в Азию в поисках истоков и родственников европейских венгров. Однако только Чома остался до конца верен своему решению.

¹ В представлении Чомы об уйгурах, видимо, смешивались две близкие по языку и происхождению, но все же различные группы. Первая — это уйгуры, проживающие в Синьцзян-уйгурском автономном округе Китая со столицей в Урумчи, исповедующие ислам. Вторая группа — это так называемые желтые уйгуры (югуры), проживающие в горных районах провинции Ганьсу и являющиеся последователями тибетского буддизма. Из-за проживания в изолированных труднодоступных районах у этой группы уйгуров сохранились древние этнографические обряды, в некоторых случаях напоминающие венгерские (Marczell P. J. Csoma Kőrös: Himalayan Hermit or Nationalistic Activist? // *Himalayan and Central Asian Studies* Vol. 5 No. 2. 2001. P. 39).

В колледже вместе с латынью и греческим Чома выучил иврит и французский, а также немецкий и румынский языки. В 1815 году он получил право на стипендию, предоставляемую английской протестантской миссией, и использовал её для обучения в университете Гёттингена. Здесь Чома познакомился с еще одной версией уйгурской гипотезы, принадлежащей Юлиусу фон Клапроту (1783–1835), считавшему, что все огурские¹ и угорские языки, включая венгерский, имеют родственные связи с уйгурским языком.

После возвращения из университета в 1818 году Чома начал активно готовиться к путешествию в Центральную Азию. Его первоначальный план предполагал путь через территорию России. Он намеревался через Одессу дойти до Москвы, потом найти возможность добраться до Иркутска и таким образом достичь северных границ китайских владений. В связи с этим он несколько месяцев провел в Южной Венгрии и Хорватии, где изучал славянские языки. Однако он не сумел получить российский паспорт, и его путешествие пошло по другому пути. В конце 1819 года, с временным паспортом, который использовался торговцами для поездок в Румынию, Чома отправился в свое одинокое путешествие в поисках родины венгерского народа².

Путешествие к границам Тибета

Путешествие до западных границ Тибета заняло у Чомы около двух лет. Первоначально его путь прошел через Бухарест, Софию и Пловдив, затем, добравшись до Адриатического моря, он на небольшом торговом судне добрался до Александрии в Египте (путь через Константинополь был закрыт из-за разразившейся эпидемии чумы). Далее через Кипр и Бейрут он добрался до Алеппо в Сирии. Присоединившись к одному из караванов, Чома дошел до Багдада и далее отправился в Тегеран. В марте 1821 года он направился в Бухару, намереваясь провести там некоторое время, однако волнения и военные столкновения, разразившиеся в это

¹ Булгарская группа тюркских языков, из которых в настоящее время в употреблении остался только чувашский.

² Duka. Op. cit. P. 13–15.

время в Средней Азии, изменили его маршрут. Вместе с караваном он ушел на юг, через Бамиан, Кабул и Пешавар добравшись до Лахора в Пенджабе, в то время столицы первого независимого государства сикхов. Весной 1822 года Чома достиг Леха, столицы Ладакха, самой западной области Тибета.

Чома собирался отправиться в Центральную Азию через Яркенд, воспользовавшись одним из старых караванных путей. Однако, пробыв в Лехе около месяца, Чома осознал, что этот маршрут является очень тяжелым, дорогим и опасным для христианина, и решил вернуться в Лахор. На обратном пути Чома встретил британского офицера Уильяма Муркрофта, с которым они прибыли в Лех и провели там летние месяцы 1822 года¹.

Муркрофт был ветеринарным врачом, некоторое время управлявшим конным заводом британской Ост-Индской Компании (ОИК) в Бенгалии. Он искал маршрут, позволяющий доставлять центрально-азиатских лошадей через Афганистан в Индию. Кроме того, он выступал как исследователь этих малоизвестных мест, а также исполнял обязанности добровольного агента британского правительства. Муркрофт следил за ситуацией в небольших гималайских государствах, граничащих с британскими владениями в Индии, и по возможности противодействовал каким-либо контактам, которые могли возникнуть между этими государствами и Российской империей на ранних этапах «большой игры»². Муркрофт хорошо понимал значение Ладакха и Тибета для обеспечения безопасности и возможного увеличения британских владений в Азии. С английской точки зрения, знание тибетского языка могло помочь в проникновении на обширные территории к северу от Гималаев. Он также оценил способность Чомы путешествовать в одиночку в самых отдаленных и опасных местах, в одном из которых сам Муркрофт встретил свою смерть от лихорадки в 1825 году.

Встреча с Муркрофтом резко изменила судьбу Чомы. Муркрофт направил Чому в сторону исследования Тибета и подарил ему

¹ Ibid. P. 25–28.

² Термин «большая игра» используется для обозначения дипломатического соперничества Британской и Российской империи в Центральной Азии в XIX — начале XX века.

экземпляр «Alphabetum Tibetanum», одной из немногих в то время работ о тибетском языке и культуре¹. Чома, не имевший возможности продолжить путешествие в Центральную Азию и, возможно, надеясь найти новые источники по истории венгерского народа в тибетской литературе, практически неизвестной в то время, начал занятия тибетским языком.

Первое путешествие Чомы в Тибет

Овладев начатками тибетского языка, Чома решил вернуться в Ладакх. В июне 1823 года Чома прибыл в селение Зангла в области Занскар в Ладакхе, и пробыл здесь полтора года. Находясь в крайне суровых условиях, он основательно овладел тибетским языком и начал знакомство с тибетской буддийской литературой под руководством местного ламы Сангье Пунцога. К концу этого периода он уже составил тибетско-английский словарь из примерно 30 тысяч слов и познакомился с тибетским буддийским каноном.

Кроме того, в письмах Чома упоминает санскритско-тибетский глоссарий, который чрезвычайно важен для его работы. Скорее всего, это был *Махавьютпатти*, санскритско-тибетский терминологический словарь IX века.

Некоторое представление о знаниях, полученных Чомой в Зангла, дают так называемые «книги Александра». Они представляют собой восемь тетрадей, написанных по-тибетски, и содержат суммарные очерки в различных областях тибетской литературы и буддийского учения, составленные по вопросам Чомы². В них обсуждаются пять

¹ Это работа монаха-августинианца Антонио Агостино Джорджи (1711–1797). Она представляет собой собрание множества разнородных фактов и спекуляций относительно Тибета, его истории и религии. В основе этой книги лежали сведения, собранные монахами-капуцинами во время своего пребывания в Тибете в первой половине XVII века (Kaschewsky R. *The Image of Tiber in the West before the Nineteenth Century // Imagining Tibet: Perceptions, Projections, and Fantasies / Ed. By Thierry Dodin and Heinz Rather. Boston: Wisdom Publications, 2001. P 15*). Вторая часть книги содержала описание тибетского языка и литературы. Сам Джорджи не владел тибетским языком, и ценность этого пособия была невелика.

² Эти книги первоначально были описаны миссионером моравианской миссии А. Х. Франке в середине 1920-х гг., назвавшего их «Вопросами Александра», по аналогии со знаменитым памятником палийской литературы «Вопросы

основных тем, а их авторами являются три ламы: Сангье Пунцог, основной учитель Чомы, Кунга Чолег и Цултрим Гьяцо¹. Эти книги в настоящее время хранятся в Венгерской Академии наук.

Первая рукопись, написанная Цултрим Гьяцо, представляет собой сборник ответов на вопросы Чомы относительно тибетской культуры и религии.

Второй манускрипт, написанный Кунпа Чолег, также представляет собой ответы на разнообразные вопросы относительно буддийской космологии, Трех Драгоценностей, жизни Будды, правилах монашеской дисциплины и т. д. Это самое большое сочинение и занимает четыре переплетенных тетради.

Еще один манускрипт содержит две отдельные работы, посвященные главным разделам традиционной тибетской науки — медицине и астрономии. Первая представляет собой краткий обзор тибетской медицинской науки на основе знаменитого трактата «Чжуд-ши»². Вторая посвящена вопросам календарных исчислений и астрономии, основанной на системе «Калачакра-тантры», последней значительной работе индийского эзотерического буддизма. Эта тетрадь написана Сангье Пунцогом.

Еще одна рукопись посвящена филологическим вопросам — грамматике, поэзии, метрике, использованию метафор и т. д. Автором этого сочинения также является Сангье Пунцог.

Сохранились сведения и о трех авторах этих «книг», в той или иной степени обучавших Чому.

Основным учителем Чомы был лама Сангье Пунцог. В молодости он совершил большое путешествие по Тибету, посетив все его основные районы, а также Бутан и Непал. Сангье Пунцог выступал в качестве главного врача Ладакха, а иногда и в качестве главного правительственного секретаря, отвечающего за связь с монастырем Ташилунпо (резиденцией Панчен-Ламы) и Лхасой. Его основными профессиями были медицина, астрономия и астрология, он так-

Милинды», который по литературной форме представляет собой ответы буддийского монаха Нагасены на вопросы греко-бактрийского царя Менандра (Милинды) (Marczell. Alexander... Vol. 1. P. 59).

¹ Marczell. Alexander... Vol. 1. P. 47.

² Ibid. P. 61.

же хорошо понимал грамматическую систему тибетского языка и имел основательные познания в арифметике, риторике, поэзии и диалектике¹.

По некоторым сведениям, он принадлежал к школе Другпа Кагью и обучался в местном ладакхском монастыре Дзонгкхул, находящемся неподалеку от Зангла. Его род обладал значительными земельными владениями и принадлежал к числу зажиточных.

Лама Кунпа Чолег, настоятель монастыря Дзонгкхул, был родственником Сангье Пунцога. Он был духовным сыном и преемником известного йога, поэта и художника Жадпа Дордже (1745–1816), прежнего настоятеля монастыря Дхонгкхул.

Третий лама, Цултрим Гьяцо, имел титул геше — доктора философии. Ему было уже за шестьдесят. Он хорошо знал различные буддийские учения, а также такие прикладные области, как грамматика, риторика, поэзия и арифметика².

Таким образом, как содержание «книг Александра», так и сведения об их авторах позволяют утверждать, что уже во время своего первого пребывания в Тибете Чома обладал значительными познаниями в тибетском буддизме, которые заложили прочную основу для его последующих работ.

Отношения с англичанами и второе путешествие Чомы в Тибет

Осенью 1824 года Чома направился в Индию к северной границе британских владений и прибыл в английскую колонию Сабату (неподалеку от нынешнего Симла). Чома доложил о себе военному коменданту, полагая, что Муркрофт уже сообщил британским властям его имя и цель. Однако его приняли с подозрением и задержали на несколько месяцев, видимо, посчитав русским шпионом³. В конечном итоге ситуация разрешилась благополучно, Чома был официально принят на службу, ему

¹ Duka. Op. cit. P. 42.

² Marczell. Alexander... Vol. 1. P. 49–50.

³ Сохранились свидетельства, что такое мнение высказывал англиканский епископ Калькутты, обладавший значительным статусом и влиянием (Marczell. Alexander... Vol. 1. P. 8–9).

было назначено небольшое жалование и предписано продолжить работу по собиранию материалов для изучения тибетского языка и литературы. Летом 1825 года Чома снова отправился в Тибет.

Однако второе его путешествие оказалось неудачным. Хотя ему удалось встретиться со своим главным учителем Сангье Пунцогом, тот вскоре покинул Чому по неясным причинам. Потеряв много времени, в январе 1827 года Чома вернулся в Сабату. Он не смог закончить взятую на себя работу, и англичане прекратили его финансирование.

Кроме того, один из английских офицеров, служивших на границе с Непалом, обнаружил рукопись тибетско-итальянского словаря, выполненного миссионером-капуцином Франческо делла Пенна (1680–1745). Она была передана англиканскому миссионеру Шрётеру, работавшему над созданием тибетско-английского словаря и переведшего итальянскую часть рукописи на английский. Шрётер умер в 1820 году, не закончив своей работы. Словарь был завершён двумя англичанами, не знавшими тибетского языка, и был напечатан в 1826 году в миссионерской типографии в местечке Серампур (поэтому этот словарь называют «Серампурским»)¹. Однако вскоре было обнаружено недостаточное качество этого словаря и непригодность к практическому использованию². Сотрудничество англичан с Чомой было возобновлено. Ему было вновь назначено жалование и дано три года на завершение работы. Чома не был знаком со словарем Шрётера до приезда в Калькутту в 1831 году, и он никак не повлиял на его собственную работу³.

*Третье путешествие Чомы в Тибет, переезд в Калькутту
и последние годы жизни*

В третий раз для своего пребывания Чома выбрал местечко Канам на границе Тибета и британских владений. Здесь он про-

¹ Bray J. Missionaries, officials and the making of the Dictionary of Bhotanta, or Boutan Language // Zentralasiatische Studien. № 37. 2008. P. 52.

² Уничжительную рецензию на этот словарь дал Юлиус фон Клапрот, в то время один из немногих специалистов в этой области (Bray. Op. cit. P. 64–65).

³ Csoma de Körös A. Essay Towards a Dictionary, Tibetan and English. Calcutta: Baptist Mission Press, 1834. P. X.

должил обучение у ламы Сангье Пунцога, которое прошло в этот раз без особых проблем, хотя его средства были очень скромными, а условия проживания суровыми.

Один из служащих ОИК в 1829 году посетил эти места и оставил примечательный отчет об условиях жизни Чомы в то время:

«Я нашел его в деревне Канам, в его маленькой, но романтической хижине, в окружении книг и в добром здравии... Холод там очень силен, и всю прошлую зиму он просидел за столом с книгами, закутавшись с головы до ног в шерстяные покрывала, с утра до ночи, без перерыва на отдых или на обогрев, за исключением времени на скудную трапезу, которая представляет собой густой тибетский чай, смешанный с маслом... Холод был таким, что вытащить руки из-под одежды для перелистывания страниц составляло проблему... Сам г-н Чома выглядит как один из святых древних времен, живущий самым аскетичным образом, не проявляя никакого интереса к окружающей его обстановке, поглощенный учеными занятиями, связанными с изучением местной религии...»¹.

Чома проинформировал своего гостя о том, что он почти закончил составление тибетской грамматики и словаря, а также сообщил ему, что в тибетских книгах излагаются многочисленные философские системы, способные удивить самых образованных европейцев².

Три года в Канаме принесли свои плоды, и Чома был полностью готов к завершению взятой на себя работы. Осенью 1830 года он окончательно попрощался с ламой и вернулся в Сабату. Более в Тибет он не возвращался и последние 12 лет жизни провел в Индии, по большей части в Калькутте.

В 1832 году были закончены работы по подготовке тибетской грамматики и словаря, а также перевод на английский язык терминологического словаря *Махавьютпатти*³. Грамматика и словарь были опубликованы в 1834 году. Средства на публикацию словаря *Махавьютпатти* в то время не были выделены, и позднее Чома

¹ Duka. Op. cit. P. 82–84.

² Ibid. P. 86.

³ Csoma de Körös A. Essay... P. IX.

не предпринимал никаких усилий, чтобы он увидел свет¹. Этот перевод был опубликован только в XX веке.

Еще одна значительная работа Чомы — это аннотированный каталог тибетского буддийского канона. Он был опубликован в трех частях в журнале «Азиатские исследования» в 1836 и 1839 годах.

Постепенно деятельность Чомы в области тибетских исследований стала получать научное признание. В 1833 году он был избран членом-корреспондентом Венгерского научного общества², а в 1834 году — почетным членом Азиатского общества Бенгалии³.

25 экземпляров своей «Грамматики» и «Словаря» Чома отправил в Венгрию. Он также отправил обратно сумму, собранную для него на родине, создав фонд для финансовой поддержки талантливых студентов в колледже Надь-Эньеда.

В 1835–1837 гг. Чома предпринял поездку по Северо-Восточной Индии, для совершенствования в санскрите и разговорных индийских языках.

В 1837 году Чома вернулся в Калькутту, а также к своим занятиям тибетской литературой. С этого времени и до начала 1842 года

¹ Csoma de Kőrös A. Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary Being an Edition and Translation of the Mahāvyutpatti. Part. III // Memoirs of the Royal Asiatic Society of Bengal. Vol. IV. № 3. Calcutta: Royal Asiatic Society of Bengal, 1944.

² Чома и его деятельность была известна на родине при его жизни и никогда не оставалась без внимания. Было несколько публикаций, информирующих общественность о его деятельности. В 1820 году, вскоре после его отъезда, журнал «Научная коллекция» объявил о планах этого «знаменитого венгерского путешественника». Шесть лет спустя тот же журнал опубликовал радостную новость о том, что «Наш Кёрёши ещё жив!» и т. д. (Galambos I. “Touched a nation’s heart”: Sir E. Denison Ross and Alexander Csoma de Kőrös // Journal of the Royal Asiatic Society, Volume 21, Issue 3. 2011. P. 363).

³ Деятельность Чомы во время пребывания в Индии и Тибете была тесно связана с Азиатским Обществом Бенгалии. Это общество было основано немногими энтузиастами в Калькутте в 1774 году. Провозглашалось, что в сферу интересов Общества будет входить все, что создано человеком или произведено природой в географических границах Азии (Kejariwal O. P. The Asiatic society of Bengal and the discovery of India’s past, 1784–1838. New Delhi: Oxford University Press, 1988. P. 35). Общество издавало два журнала, «Азиатские исследования» и «Журнал Азиатского Общества Бенгалии». Азиатское Общество Бенгалии располагало значительными коллекциями рукописей и материальных артефактов, и в начале XIX века в Калькутте были построены музей и библиотека Общества.

Чома занимал престижную и хорошо оплачиваемую должность библиотекаря Азиатского Общества Бенгалии, там же ему было предоставлено помещение для проживания¹. Он по-прежнему вел аскетичный и достаточно замкнутый образ жизни. В эти годы его посетил венгерский художник Август Шёффт, написавший эскиз единственного прижизненного портрета Чома де Кёрёша. Он же оставил описание жизни Чомы в этот период.

«Я был в дружеских отношениях с Чомой во время моего пребывания в Калькутте... Однако, надо сказать правду, я никогда не видел более странного человека. Он живет как отшельник среди своих тибетских книг, в здании библиотеки Азиатского Общества, которое крайне редко покидает... Он был приветлив и очень разговорчив, когда наш разговор заходил о Венгрии, часто наши беседы затягивались допоздна... Однако я начал подозревать, что Чома никогда более не увидит родной земли. Будучи уже в преклонном возрасте, он предполагал остаться здесь еще на десять лет, чтобы собрать все, что можно почерпнуть в древних сочинениях...»².

В начале 1842 году Чома снова отправился в путь. Ему было в это время пятьдесят восемь лет. На этот раз он намеревался отправиться через Сикким в столицу Тибета Лхасу, а оттуда в Северный Китай, страну уйгуров и монголов.

В апреле Чома прибыл в Дарджилинг, где у него началась лихорадка, и через несколько дней он скончался от малярии. Он так и не узнал, что уйгуры, к которым он так настойчиво стремился, являются народом тюркского происхождения и не сыграли никакой роли в истории венгров.

Научное наследие Чомы Грамматика и словарь тибетского языка.

Первыми большими работами Чомы, появившимися в печати, стали грамматика и словарь тибетского языка³. До выхода работ Чомы были только две попытки издать пособия по тибетскому

¹ Marczell. Alexander... Vol. 1. P. 90.

² Duka. Op. cit. 141.

³ Csoma de Körös A. Essay Towards a Dictionary..., 1834; Csoma de Körös A. A Grammar of the Tibetan Language in English. Calcutta: Baptist Mission Press, 1834.

языку на европейских языках — это «Alphabetum Tibetanum» и «Серампурский» словарь 1826 года, о которых мы уже говорили. Оба эти сочинения были малопригодны для изучения языка. В отличие от них работы Чомы оказались гораздо более удачными.

Грамматика Чомы получила высокую оценку со стороны русского академика Я. И. Шмидта. Она легла в основу изданной Шмидтом в 1839 году «Грамматики тибетского языка», в которой были исправлены небольшие ошибки, а также удалены обширные приложения, сделанные Чомой (такие как изложение системы тибетского календаря, обсуждение датировки париниваны Будды по тибетским источникам и др.)¹. В качестве дополнений Шмидт использовал фрагменты тех работ, над переводами которых работал он сам.

Словарь, выполненный Чомой, оказался несколько менее удачным в плане практического использования. Чома расположил слова в алфавитном порядке, как это было принято в то время и соответствовало порядку, характерному для европейских словарей, однако этот порядок оказался неудобным с учетом особенностей тибетского языка. Правильным расположением слов, соответствующим и тибетской традиции, является порядок по корневым буквам, а не по первым знакам в силлабофонах. Первым такой порядок употребил Шмидт в тибетско-немецком и тибетско-русском словарях, вышедших в 1841 и 1843 гг. соответственно. Однако работа Чомы и здесь оказалась востребованной, поскольку словарный запас его словаря составил большую часть словаря, изданного Шмидтом². Позднее все словарные статьи из словаря Чомы были включены в капитальный тибетско-английский словарь, выпущенный немецким миссионером Генрихом Ешке (1817–1883) в 1881 году³.

Терминологический словарь Махавьютпатти

Третьей большой работой Чомы является терминологический санскритско-тибетский словарь *Махавьютпатти*, название которого

¹ Шмидт. Грамматика... С. 7.

² Jäschke H. A. A Tibetan-English dictionary. London: the Secretary of State for India in Council, 1881. P. VI.

³ Ibid. P. VII.

можно перевести как «Большое собрание [терминов и выражений]» или «Большой [словарь буддийской лексики] с пословными переводами»¹.

Работа эта имеет важное значение для понимания тибетских буддийских текстов, переведённых с санскрита. Поскольку тексты переводились разными переводчиками в течение длительного времени, существовала насущная потребность в унификации терминов, используемых для перевода санскритских буддийских понятий. Эта задача решалась с помощью составления нормативных терминологических словарей. *Махавьютпатти* представляет самый ранний подобный санскритско-тибетский словарь, включающий обширный круг лексики, используемый в буддийской литературе. Он был составлен в начале IX века и содержит 283 тематические группы, включающие тибетские эквиваленты более 9500 слов и выражений, встречающихся в буддийской литературе на санскрите². О важности данного текста говорит тот факт, что европейские буддологи, в том числе и отечественные³, в XIX веке предпринимали несколько попыток издать *Махавьютпатти*.

Перевод Чомы не был опубликован при его жизни. Рукопись словаря была обнаружена в архивах Азиатского Общества Бенгалии в 1907 году⁴ и была издана тремя частями в 1910, 1916 и 1944 годах⁵. Ко времени издания последней части перевода Чомы европейские и японские буддологи уже проделали огромную

¹ Харькова Е. Ю. Основы тибетской лексикографии в словаре «Махавьютпатти» // Письменные памятники Востока. Том 16, № 4 (вып. 39). 2019. С. 78.

² Там же. С. 80.

³ В. П. Васильев (1818–1900) работал над четырехязычной рукописью *Махавьютпатти*, однако его труд остался незавершённым и неопубликованным. В 1887 году И. П. Минаевым была осуществлена публикация санскритской части этого словаря (Харькова. Указ. соч. С. 81).

⁴ Galambos. Op. cit. 364.

⁵ Csoma de Körös A. Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary: Being an Edition and Translation of the Mahāvyutpatti. Part. I // Memoirs of the Royal Asiatic Society of Bengal. Vol. IV. № 1. Calcutta: Baptist Mission Press, 1910; Csoma de Körös A. Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary: Being an Edition and Translation of the Mahāvyutpatti. Part. II // Memoirs of the Royal Asiatic Society of Bengal. Vol. IV. № 2. Calcutta: Baptist Mission Press, 1916; Csoma de Körös A. Sanskrit-Tibetan-English Vocabulary: Being an Edition and Translation of the Mahāvyutpatti. Part. III...

работу по исследованию буддийской терминологии и изданию терминологических словарей. Таким образом, эта работа Чомы не оказала того влияния на европейскую науку, которое могла бы оказать в случае ее своевременной публикации.

Аннотированный каталог Ганджура и Данджура

Последней большой работой Чомы является аннотированный каталог тибетского буддийского канона, состоящего из двух частей — Ганджура и Данчжура. Ганджур содержит сочинения, которые в буддийской традиции рассматриваются как проповеди или наставления Будды Шакьмуни. Поэтому он определяется как собственно буддийский канон. Данджур включает сочинения, написанные историческими лицами, индийскими и тибетскими учёными, как комментарии к трактатам Ганджура¹.

Ксилографическое издание тибетского канона было прислано в Калькутту Брайаном Хьютоном Ходжсоном (1800–1894), резидентом ОИК в Непале. Это нартангское издание 1742 года, содержащее Ганджур в 100 томах, а Данджур — в 225 томах. Чома работал над каталогизацией буддийских сочинений в 1831–1834 гг. Ганджур был описан почти полностью, для Данчжура был выполнен краткий обзор.

Работа Чомы по описанию тибетского канона была опубликована тремя частями в 1836 и 1839 годах². В начале работы Чома приводит общее описание Ганджура и Данчжура, указывает, что Ганджур делится на семь разделов, называет число томов в каждом разделе, количество сочинений в них. Для каждого раздела приводится общая характеристика, оценка и описание, затем перечисляются названия сочинений на санскрите, тибетском и английском языках

¹ Введение в изучение Ганджура и Данчжура. С. 3.

² Csoma de Körös A. Analysis of the Dúlva, a Portion of the Tibetan Work entitled the Kah-Gyur // Asiatic Researches. № XX, Part I. 1836. P. 41–93; Csoma de Körös A. Analystis of the Sher-Chin-P'hal-Ch'hen-Dkon-Tse'gs-Do-Dé-Nyàng-Dàs and Gyut. Being the 2nd, 3rd, 4th, 5th, 6th and 7th divisions of the Tibetan work, entitled the Kah-Gyur // Asiatic Researches. № XX, Part II. 1839. P. 393–552; Csoma de Körös A. Abstract of the Contents of the Bstan-Hgyur // Asiatic Researches. № XX, Part II. 1839. P. 553–585.

с указанием листов, на которых они находятся, приводится краткое содержание каждого сочинения. Кроме того, Чома приводит дополнительные пояснения и иногда более подробно останавливается на наиболее интересных местах в описываемых сочинениях. Наряду с подробным анализом содержания Гадчжура Чома выполнил краткое описание двух разделов Данчжура — «Сутры» и «Тантры» с приложением списка названий сочинений из Данчжура¹.

Во время работы над каталогом тибетского канона Чома написал более десятка статей, опубликованных в «Журнале Азиатского Общества Бенгалии». Большинство статей были невелики по объему и носили название «Заметки» (Notes или Notices), за исключением историко-географического очерка Тибета и биографии Будды по тибетским источникам.

Одна небольшая статья Чомы была посвящена Калачакра-тантре, в которой описывается мистическая страна Шамбала, расположенная к северу от Тибета². Кроме того, он неоднократно упоминал Калачакра-тантру и в других своих работах. Чома был первым, описавшим мистическую Шамбалу и связанные с ней представления в англоязычной литературе (хотя упоминания о ней встречались в отчетах иезуитов).

Статьи Чомы в журналах «Азиатские исследования» и «Журнале Азиатского Общества Бенгалии» послужили главным источником сведений о тибетском буддизме для французского буддолога Эжена Бюрнуфа (1800–1852), автора «Введения в историю индийского буддизма», опубликованного в 1844 году³. Это исследование считается первой фундаментальной научной работой по буддизму. Оно получило значительную известность в XIX веке, и тем самым научные достижения Чомы были представлены более широкой аудитории.

¹ Введение в изучение Ганчжура и Данчжура. С. 10.

² Csoma de Körös A. Note on the Origin of the Kala-Chakra and Adi-Buddha Systems // Journal of the Asiatic Society of Bengal. № II. 1833. P. 57–59.

³ Burnouf E. Introduction to the History of Indian Buddhism / tr. by Katia Buffetrille and Donald S. Lopez Jr. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 21.

Заключение. Многие лики Чома де Кёрёша

Александр Чома де Кёрёш не смог вписать свое имя в историю науки как первооткрыватель древней венгерской родины. Вместо этого он получил признание как исследователь неизвестной цивилизации и как основатель новой области науки — тибетологии. Однако у себя дома Чома стал известен главным образом благодаря усилиям по поиску корней нации. Его одинокая фигура превратилась в образ прославленного героя, патриота, который пренебрег личным благополучием и посвятил жизнь служению своей стране. Культ Чомы во многом вырос из националистической атмосферы конца XIX века. Поражение антигабсбургского восстания венгров в 1849 году и последующий период политических репрессий усилил поиск венгерской идентичности, свободной от австро-германского и славянского влияния. В этих условиях Чома стал воплощением образа трагического героя, посвятившего себя поискам истоков венгерской нации, и стал олицетворять подлинный дух венгерского народа¹.

Что касается научных работ Чомы, то написанные им грамматика и словарь тибетского языка, терминологический словарь *Махавьют-патти* и аннотированный каталог тибетского канона составляли базовый слой научной литературы, на основе которой в дальнейшем могли создаваться исследования, содержательно излагающие учения и практики тибетского буддизма. Эти сочинения предназначались для специалистов, и получили признание ведущих европейских буддологов своего времени, таких как Я. И. Шмидт и Э. Бюрнуф. Таким образом, Чома с полным правом может рассматриваться как основоположник тибетологии, в то время только зарождавшегося научного направления.

По нашему мнению, заслуживают внимания еще несколько моментов в деятельности Чомы.

В его работах отсутствует то явление, который Ф. Олмонд назвал «судом над буддизмом»². В первой половине XIX века европейские

¹ Galambos. Op. cit. P. 374–375.

² Almond Ph. C. The British Discovery of Buddhism. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 13.

учёные путем собирания и исследования буддийских текстов создали нормативный образ буддизма, каким, по их мнению, он должен был быть. Этот идеальный текстовый буддизм позволял критиковать тот реальный буддизм, который существовал в странах Азии. Особенно сильному осуждению в XIX веке подвергся тибетский буддизм, который считался полностью вырожденным и для обозначения которого использовался отдельный термин «ламаизм».

Однако в работах Чомы полностью отсутствует подобная критика, более того, он находил, что тибетский буддизм имеет много общего с подлинным духом христианства¹. Возможно, здесь сказалось особое положение Чомы как исследователя. В своих подходах он кардинально отличался как от миссионеров, первыми из европейцев начавшими изучать буддизм, так и от английских исследователей своего времени. Они, как правило, являлись служащими ОИК или представляли английскую администрацию, и их финансовые возможности и социальный статус были неизмеримо выше, чем у Чома де Кёрёша, исследователя-одиночки неясного происхождения и статуса.

Кроме этого, Чома был единственным в то время европейцем, прошедшим длительное обучение у тибетских лам, непосредственных носителей традиции, и высказывавшего неизменное уважение к ним. В любом случае он видел в Востоке не образ «Другого», противопоставленного Западу, но искал там истоки своего народа и своих родственников.

В этом отношении представляет интерес работа Марка Люсье «Дхарма романтизма», в которой исследуются интеллектуальные связи буддизма и европейского романтизма², в ней жизни и деятельности Чома де Кёрёша посвящена отдельная глава. Европейский романтизм активно интересовался восточными учениями, и в этом отношении попытка Люсье вписать деятельность Чомы в традицию романтизма выглядит оправданной. К сожалению, Чома нигде не высказывал собственных взглядов. Он не оставил

¹ Csoma de Körös A. Essay... P. X.

² Lussier M. Romantic Dharma: The Emergence of Buddhism into Nineteenth-Century Europe. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

обширных записок о путешествиях в Тибет с изложением своих чувств и впечатлений, что было обычным для европейцев XIX века, совершавших поездки в Азию. Некоторые подробности биографии Чомы известны только из его немногочисленных писем. Скорее можно сказать, что Чома воплотил характерные черты романтизма в своей собственной жизни. К таким чертам можно отнести поиск истории своего народа, бескомпромиссную целостность, обращение к Востоку в поисках знаний и некоторые другие. Однако в случае Чомы все эти мотивы не могут быть точно проанализированы, и для тех, кто пишет о нем, он все равно остается в чем-то загадочной, а иногда и просто эксцентричной фигурой¹.

В работах, посвященных Чома де Кёрёшу, часто упоминается о том, что в 1933 году в Японии он был канонизирован как бодхисатва в большом зале университета Тайсё в Токио, а его статуя в позе медитации, подаренная венгерским Обществом по изучению Востока, была установлена в японском императорском музее². Детали проведенной церемонии остаются неясными, поскольку в буддизме нет полного аналога процедуре канонизации святых в христианстве, кроме того, этот ритуал имел явную политическую составляющую³. Скорее это событие можно рассматривать как некое символическое действие, выражающее состоявшуюся встречу Востока и Запада. Однако в основе этого символического акта лежал подлинный жизненный и научный подвиг Александра Чома де Кёрёша.

¹ Allen C., *The Search for the Buddha: the men who discovered India's lost religion*. N.-Y.: Carroll & Graf, 2003. P. 109–114.

² Lussier. *Romantic Dharma...* P. 47.

³ Подробнее см.: Marczell. *Alexander...* Vol. 1. P. 175–197.

ALEXANDER CSOMA DE KÖRÖS (1784–1842) AND THE BEGINNING OF SCIENTIFIC TIBETOLOGY

Aleksey Gunskey

The paper examines the life and work of Alexander Csoma de Kőrös (1784–1842), a Hungarian traveler and scientist, the founder of modern scientific Tibetology. His works became the first scientific study of the Tibetan language and literature. Tibetan grammar and dictionary of his authorship formed the basis of the first Russian manuals for the study of the Tibetan language. Nevertheless, his life and activities are almost unknown to Russian readers, therefore the aim of this paper is to highlight this little-known page of early Tibetan studies. The first part is devoted to the biography of Csoma de Kőrös. The original purpose of Csoma's journey to Asia was to search for the historical homeland of the Hungarian people, and we are considering the circumstances that changed his original plans and led him to study the Tibetan language and Buddhist literature. The second part examines the major works of Csoma de Kőrös and their influence on subsequent research. In conclusion the author considers the images of Csoma de Kőrös that developed after his death: the national hero in Hungary, a learned Tibetologist, a romantic, absorbed in the wisdom of the East, and even a bodhisattva who devoted his life to uniting East and West.